

Все это, естественно, уже само по себе не могло способствовать тому, чтобы проблемы русского либерализма выдвигались на первый план. Главные политические события, главные политические столкновения видятся в основном как борьба крайне правых и крайне левых. Это противостояние прямых сторонников и прямых противников режима захватывает внимание каждого, обращающего внимание на общественно-политическую жизнь России того времени. На фоне этой борьбы главных действующих лиц либералы, с присущей им толерантностью, должны были по идее довольствоваться вторыми ролями. И отсюда совсем недалеко до вывода, что такая мера внимания к либерализму продиктована самими внутренними свойствами этого общественно-политического движения. Конечно, доля истины в этом есть. Но в том-то и дело, что часто, очень часто, в моменты высочайшего политического напряжения именно либеральные идеи оказывались в центре событий. Из этой парадоксальной ситуации нельзя сделать однозначных выводов. С одной стороны, либерализм, не представляя из себя прямой альтернативы правящим кругам, как бы самоустраивается от ведущей роли, с другой стороны, вряд ли можно назвать такую политическую коллизию, в которой он не был бы полноправным действующим лицом.

Следует сразу же подчеркнуть, что тема данной небольшой книги состоит отнюдь не в освещении политических, социальных аспектов либерализма в России, не в показе его судеб, и не в проникновении в перипетии политических баталий. Это поле деятельности для историков, социологов, политологов. Задача этого исследования заключается в другом, а именно, в попытке рассмотреть по возможности все основные теоретические положения, которые содержатся в наследии ранних русских либералов. Причем объектом внимания будут не только те идеи, которые имеют непосредственное отношение к либерализму, но и весь

комплекс общетеоретических концепций, который был присущ тем мыслителям, которых мы называем ранними русскими либералами. Другими словами, речь идет об освещении именно их мировоззрения.

Почему возникла сама потребность подобного подхода? С чем связана необходимость обращения к столь широкому и всеобъемлющему понятию как мировоззрение? Дело в том, что вполне общепринятым и как бы само собой разумеющимся является факт использования во многих историко-философских (и не только историко-философских) текстах таких понятий как "русская либеральная философия" или "философия русского либерализма". В данном случае каждому понятно о чем здесь идет речь. При употреблении этих терминов сразу же возникают ассоциации и с определенными персоналиями, и с определенной общественно-политической проблематикой. Причем заметим: именно общественно-политической. Причем же здесь философия? Может быть действительно существует какая-то особенная (в данном случае русская) "либеральная философия"? Я позволю себе утверждать, что такой философии нет. Как нет и философии либерализма вообще. Термин "философия русского либерализма", кстати, как и подобные ему "философия декабризма", "философия революционного демократизма" и др., употребляется только для удобства, это не более чем номинация. В смысле содержательном все подобные термины пусты, так как никоим образом не указывают на специфику комплекса именно философских идей, лежащих в основе мировоззрения каждого из представителей этих направлений. Эти термины имеют отношение к общественно-политической проблематике, тесно связанной с философской, но представляющей собой все же отдельный от нее ряд понятий. Таким образом, условность и "пустота" термина "философия русского либерализма" вроде бы вполне очевидна. Но, к сожалению, далеко не всегда этот термин так понимается. В преддверии будущего содер-

жания этой книги можно привести следующий пример. Каждому ясно, что говоря о "философии русского либерализма", мы в первую очередь имеем в виду К.Д.Кавелина и Б.Н.Чичерина. Да, действительно, и тот, и другой по своей политической ориентации либералы, хотя и либералы несколько разного толка. Но насколько общи их философские воззрения? Чичерин - правый гегельянец, несколько модифицировавший систему немецкого философа, т.е. в конечном счете рационалист. Кавелин симпатизирует позитивизму, хотя и не во всем с ним соглашается, и строит свою собственную "положительную философию", основанную на психологическом анализе. Таким образом, на основе общих политических симпатий и при явно прослеживающейся совершенно различной философской направленности они почему-то оказываются в одной "обойме". Я представляю себе какую трудную и непосильную задачу пришлось решать авторам "Истории философии в СССР", когда речь зашла о "философии русского либерализма". Попытка связать напрямую либерализм с философией позитивизма (о чем говорит уже само название параграфа I, главы II, 3-го тома: "Позитивизм и либерализм") явно вела к неразрешимым противоречиям. И надо отдать должное авторам, сумевшим обойти возможные в таком случае *contradiction criante*. Вот небольшой отрывок из этого труда: "Конечно, позитивизм был не единственной философией русского либерализма. Эклектичная по своей сущности, она включала в себя различные оттенки идеалистического спектра. Если Б.Н.Чичерин, В.С.Соловьев и некоторые их единомышленники составляли преимущественно дворянско-помещичье крыло философии либерализма второй половины XIX в., то Е.В.де-Роберти, К.Д.Кавелин и другие мыслители позитивистского толка составляли ее буржуазное крыло. Грань разделявшая эти оттенки, была ус-

ловна и подвижна¹. Из вышесприведенного высказывания совершенно невозможно составить себе какое-либо определенное понятие о философии русского либерализма. С одной стороны, он вроде бы основывается на позитивизме, с другой, эклектичен. И что имеется в виду под "оттенками"? Позитивизм, абсолютный идеализм? К тому же чисто философские расхождения у перечисленных мыслителей переводятся в область классовых "ориентаций". Но, опять же, будем благодарны авторам этого труда, потому что здесь не видно явных противоречий, и что даже первоначальное утверждение о необходимой связи позитивизма с либерализмом ограничено всеми возможными оговорками.

Несколько слов вообще о термине "философия либерализма". Он довольно часто используется, например, в англо-американской литературе. Но дело в том, что в данном случае ему отводится вполне определенная роль - показать некоторые общие для либерализма как типа политического мышления подходы к философскому осмыслению именно политических процессов. Это понятие имеет отношение не собственно к философии, а к философии политической. Это категория политологии. В нашем же обычном понимании термина "философия русского либерализма" такого акцента, как правило, не делается. Вот и получается, что говоря о философии русского либерализма мы вольно или невольно подразумеваем наследие ряда конкретных мыслителей, философские воззрения которых иногда очень далеки друг от друга.

Я не стал бы более задерживаться на этом терминологическом вопросе, играющем, однако, существенную роль, если бы не вновь повторяющиеся попытки все-таки обосновать связь русского либерализма с тем или иным философским направлением. Приведу совсем недавний пример. Во время проходившей в Москве в

¹ История философии в СССР. М., 1968. Т. 3. С. 396.

марте 1993 г. конференции "Русская философия и Россия сегодня" в один и тот же день прозвучали два доклада, в которых в той или иной мере одной из центральных тем как раз и была попытка выяснить проблему взаимосвязи русского либерализма с той или иной философской ориентацией. Речь идет о докладах известнейших специалистов в области истории русской философии профессора университета Нотр-Дам (Индиана, США) А.Валицкого "Русская философская традиция и либерализм" и доктора философских наук (Институт философии РАН, Москва) В.Ф.Пустарнакова "Была ли у русского либерализма своя философия?". В первом докладе А.Валицкого внимание акцентировалось на мыслителях, разрабатывавших в России философию права, таких как Б.Н.Чичерин, П.И.Новгородцев и др. Лейтмотивом выступления звучала идея об антипозитивистской, по своей сути, направленности либеральной мысли в России. И, как результат, в ряду русских либералов (что в таком случае вполне естественно) не был назван К.Д.Кавелин. Совершенно обратную картину можно было наблюдать в выступлении его оппонента В.Ф.Пустарнакова, полагающего, что именно позитивистскую философию можно считать основной, базисной для теорий русского либерализма. Здесь К.Д.Кавелин, естественно, был упомянут, но... каким-то странным и непонятным образом выпал Б.Н.Чичерин, что, собственно говоря, и следовало ожидать. Оба докладчика были логичны, их аргументация, можно сказать, была безукоризненной, и все же выводы оказались противоположными. Отнюдь не отдавая предпочтения тому или другому докладу, мне внутренне хотелось бы быть согласным и с тем, и с другим. Но результат ... Мне кажется, что именно на этом примере со всей убедительностью еще раз продемонстрирована принципиальная невозможность "подыскать" для русского либерализма "соответствующую" философию. Именно поэтому нельзя, на мой взгляд, не только связывать русскую ли-

беральную мысль с той или иной четко определенной философской ориентацией, но даже утверждать о доминировании таковой.

Надеюсь, что теперь понятно, почему в заглавии этой работы речь не идет ни о "философии русского либерализма", ни о "русской либеральной философии", а о мировоззрении. Но в то же самое время, обращение именно к мировоззрению имеет и другие достаточно веские причины. Дело в том, что исповедуя иногда совершенно различные философские симпатии, русские либералы приходили к довольно схожим позициям не только в сфере собственно общественно-политической. Можно найти очень много точек соприкосновения между ними и в общетеоретических вопросах. В качестве примера можно указать на практически идентичное восприятие ими русской истории. Все это и заставляет обратиться к общему комплексу идей, к мировоззрению в целом, и путем анализа попытаться выяснить в чем близки, в чем различаются и как соотносятся между собой их взгляды, каковы те основные идеи, которые всех их приводят к либеральному образу мыслей.

И еще одно предварительное замечание. В данной работе пойдет речь о мировоззрении только лишь трех персоналий: Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. Попытка расширить круг исследуемых мыслителей, которых со всей определенностью можно отнести к ранним русским либералам (а известно, что в их ряду и В.П. Боткин, и С.М. Соловьев, и И.К. Бабст, и даже ранний М.Н. Катков, и многие, многие другие) предполагает такое расширение материала, изложение которого в одной книге не представляется возможным. Надеюсь, что со временем мне удастся обратиться и к этим персоналиям, а пока приходится довольствоваться лишь наиболее крупными фигурами.

Сразу же следует оговориться и насчет Т.Н. Грановского. Считать его вполне сформировавшимся либералом было бы большим и непозволитель-

ным преувеличением. И хотя многие его современники, а также исследователи XIX в. практически безоговорочно относят Грановского к либералам, все же следует отметить, что в его лекциях и работах мы не найдем последовательного изложения теоретических проблем либерализма, а, тем более, какой-то систематически разработанной модели либеральных воззрений. Более точным, по всей вероятности, было бы назвать его провозвестником, предтечей теоретического либерализма в России. Все его наследие, вся его деятельность проникнута духом либеральных идей, и не зря его ученик, которому по праву принадлежит самое видное место в истории формирования русского либерализма, Б.Н.Чичерин, писал: "Он (Грановский - В.П.) был либерал в самом возвышенном и благородном смысле этого слова"². И в другом месте: "В политике он (Грановский - В.П.), разумеется, был либерал, но опять же как историк, а не как сектатор"³. Следует обратить внимание на последнюю фразу: в ней Чичерин, безоговорочно относя Грановского к либералам, все же делает определенные акценты, достаточно объясняющие своеобразие позиции русского историка. Другими словами, Грановский, не будучи деятелем либеральной "партии" ("секты"), а, тем самым, не вторгаясь в общественно-политическую тематику, развивает либеральные идеи, или же идеи, проникнутые духом либерализма, в своих исторических изысканиях. Эти идеи имманентно присущи ему как исследователю, как человеку.

Есть несколько существенных факторов, которые тесно связывают между собой Грановского, Кавелина и Чичерина. Во-первых, все трое преподаватели в Московском университете, правда, в разное время: Грановский - в 1839-1855 гг., Кавелин - в 1844-1848 гг. (т.е. в течение четырех лет они были коллегами и их лекции, кстати,

² Чичерин Б.Н. Вопросы философии. М., 1904. С. 384.

³ Воспоминания Б.Н.Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1991. С. 35.

слушал тогда еще студент Чичерин), Чичерин - в 1861-1868 гг. Во-вторых, можно прямо установить связь учитель-ученик между Грановским и Чичериным. Грановский принимал непосредственное участие в подготовке Чичерина к поступлению в университет. В-третьих, (кстати говоря, это один из самых главных моментов, о котором речь пойдет несколько ниже), все они представляют западническую ориентацию в русской общественной мысли. В-четвертых, Кавелин и Чичерин (наряду с С.М. Соловьевым) были признанными лидерами так называемой государственной школы в русской историографии. В-пятых, и Кавелин, и Чичерин (кроме всего прочего) - правоведы, что сыграло немаловажную роль в формировании их либеральных взглядов. Наконец, кроме всего прочего, их связывали личные дружеские отношения. Конечно, можно найти и указать на наличие также общих черт в их мировоззрении, но это, собственно, и составляет одну из частных задач данного исследования.

Глава I. ПЕРВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ФОРМУЛИРОВКИ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ

Историю появления, распространения и развития либеральных идей в России можно представить в двух планах. Первый, наиболее общий, охватывающий любые проявления либеральных тенденций как в общественно-политической мысли, так и в политической практике, позволяет заметить подобные тенденции в русской общественной жизни начиная с XVIII в. Идеи либерализма, зародившиеся в западноевропейской политической действительности, будучи перенесенными на российскую почву, дают себя знать в отдельных высказываниях, в отдельных политических шагах отечественных государственных деятелей. Эти идеи отрывочны, несистематизированы и, более того, "приспособлены" к российской действительности. Они, даже в своих крайних выражениях, не смеют противопоставить что-либо существенно серьезное принципам абсолютной монархии.

Причина этого заключается, собственно говоря, в том, что своих собственных корней в России либерализм тогда не имел. Даже в среде самых прогрессивно мыслящих людей того времени идеи свободы имели совершенно неопределенный, расплывчатый и абстрактный характер. Они еще не достигли той степени конкретности, когда уже можно было бы говорить о понимании значения личных свобод в политическом развитии общества и, тем более, еще не вставала во всей своей определенности проблема строго узаконенных прав личности. Здесь я полностью солидарен с В.В.Леонтовичем, который утверждает: "либерализм - творение западноевропейской культуры", что корни либерализма "в России... отсутствовали", что "и идеологически и практически рус-

ский либерализм в общем был склонен к тому, чтобы получать и перенимать от других, извне¹. Аргументация В.В.Леонтовича сводится к тому, что двумя главными источниками либерализма были феодальная система (в данном случае имеется в виду определенное равновесие между королевской властью и феодальной аристократией) и независимость духовных властей от светских в Средние века. А, как известно, именно эти факторы были совершенно несвойственны для России: княжеская и боярская аристократия были политически разгромлены, а православная церковь почти никогда не вмешивалась в светскую жизнь, по крайней мере так активно и целенаправленно как это происходило на Западе.

Таким образом, первые семена либерализма, давшие всходы на русской почве, начиная со второй половины XVIII в., имели западноевропейское происхождение и в новой для себя обстановке не могли сразу же привести к возникновению целостного и жизненного либерального мировоззрения. Только отдельные отблески либеральных мыслей, их отражения, притом часто преломленные, находили себе место в русской общественной жизни. Эти слабые и, по большей части, еще неясные, теоретически неосмысленные идеи можно найти даже в экзерсисах Екатерины II. И в этом смысле первыми проводниками таких пока еще полностью не оформившихся взглядов были замечательные русские государственные деятели Н.С.Мордвинов и М.М.Сперанский. Их заслуга состоит не столько в том, что они внесли какой-то вклад в теоретическую разработку либеральных концепций, сколько в том, что они попытались на практике осуществить те идеи, которые ими овладели и которые во многом были вызваны, или, скорее, спровоцированы, восприятием либеральных воз-

¹ См.: *Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914)*. Париж, 1980. С. 2-3.